

А. Вельтман

Не дом, а игрушечка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А. Вельтман

A11 Не дом, а игрушечка / А. Вельтман – М.: Книга по Требованию, 2021. – 36 с.

ISBN 978-5-4241-3060-1

Разносторонность интересов и дарований Александра Фомича Вельтмана, многогранность его деятельности поражала современников. Прозаик и поэт, историк и археолог, этнограф и языковед, директор Оружейной палаты, член-корреспондент Российской академии наук, он был добрым другом Пушкина, его произведения положительно оценивали Белинский и Чернышевский, о его творчестве с большой симпатией отзывались Достоевский и Толстой.

ISBN 978-5-4241-3060-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А. Вельтман, 2021

I

Мы, люди, вообще многого не знаем, многого не видим, что около нас делается, не ведаем всего, что на свете есть и чего нет. Такова, верно, природа людей; в этом-то, может быть, и заключается сущность вела: видеть и в то же время не видеть, знать и в то же время не знать. Например, все знают, что Москва сгорела во время нашествия французов; а кто знает, что сгорело в ней кроме домов и кроме имущества жителей? Москва отстроилась напоказ, на славу, стала великолепнее и в то же время грустнее, скучнее, — точно как будто внутренний свет, эта беззаботная веселость духа вылилась наружу и оставила сердце в потемках. — Что ему там делать? — Сидит себе ни гугу. Отчего это? — Оттого, что кроме зданий и имущества погорели в Москве старинные домовые.

Как это ни странно кажется теперь, но в старину было правдой. Старинный дедушка-домовой был не призрак, не привидение, не гороховое пугало, а вот что: как говорится, во время оно каждый родоначальник, укореняясь на новоселье, с каждым новым поколением принимал почетные звания отца, деда, прадеда, прапрадеда, все жил да жил и рос в землю; год от году все меньше и меньше и наконец хоть снова в колыбельку. Дадут ему с ложечки молочка, он и заснет спокойно; а вся семья ходит на цыпочках, чтоб не потревожить дедушкина дедушку. Достигнув до возраста семимесячного ребеночка, дедушка, проснувшись в последний раз, среди белого дня говорил: "Детушки, и на печке стало мне холодно, оденьте-ка меня в белый балахончик, окутайте да уложите в печурочку. Я сосну, а вы себе живите да поживайте, не заботьтесь обо мне, а поминать поминайте: пищи мне не нужно, только в сорочки блинков напеките да крещенской водицы поставьте. Белого дня мне уже не вынести, а придет иное время — проснусь в ночьку, посмотрю, сладок ли сон ваш. Мирно все будет, и я буду мирен; а как постучу, так смотрите, оглядывайтесь, помните, что дедушка стучит недаром. Ну, вот вам последнее слово:

держите совет и любовь".

Боясь дедушки-домового, все от старого до малого свято исполняли его последнее слово. Им в семье хранился мир: жили к старшим послушно, с равными дружно, с младшими строго и милостиво. Ладно и весело на сердце. А чуть что не так, дедушка стукнет, все смолкнут, оглянутся — дедушка, дескать, стучит недаром. Стерегись.

Бывало, деревянный дом, а стоит-стоит — и веку нет; стены напитаются человеческим духом, окаменеют; вся крыша прорастет мохом — гниль не берет.

То были времена, а теперь другие: и теперь есть домовый — да внутри нас; тоже заголосит подчас, да про глухого тетерева.

Вот в чем беда.

До нашествия французов много было еще таких домов, со старинными домовыми, а после того, сколько мне, по крайней мере, известно, только два, по соседству, рядышком.

Старинные дома были как-то не то, что теперешние. Старинные дома были гораздо хуже, и сравнения нет, да в старинных домах были такие теплые углы, такие ловкие, удобные, насиженные места, что сядешь — и не хочется встать. Про печки и говорить нечего: печки были как избушки на курьих ножках, с

припечками, с печурками, с лежанками; и на печке, и за печкой, и под печкой — везде житье, а теплынь-теплынь какая! И домовому был приют.

То были времена, а теперь другие. Бывало, все в полночь спит мертвым сном. Не спалось, бывало, только тому, чей день был грешен. Зато он и наберется страху от грозы домового, заклянется от греха: век, говорит, не буду! И теперь тоже говорят: век не буду, да по пословице — "день мой, век мой" — с наступлением зари нового века принимаются за старые грехи, а пугнуть некому:

старинных домовых нет, и внутренний голос осип.

Один из старинных, упомянутых нами домиков, в которых водились еще дедушки-домовые, принадлежал одной старушке.

Это было чудо, не просто старушка, а молодая старушка; зато дедушка-домовой и лелеял ее сон, ходил на цыпочках и, как домовый "Чуровой долины", вместо обычной возни наигрывал на гусях и распевал любовные песни. Дедушка в самом деле был влюблен в нее, как домовый "Чуровой долины" в княжну Зорю.

И был прав: при неизменчивости душевной красоты и наружная не вянет, по крайней мере в памяти. У старушки неизменны были и ангельская улыбка, и приятный взор. Морщинки как будто еще украшали ее личико; недостаток зубков как будто придавал нежность речам: ведь выпадают, же у детей молочные зубы, и это нисколько их не портит; а добрая старость тоже младенчество.

У старушки был внучек Порфирий. Она так любила его, нежила и берегла, что даже в комнате для предостережения от простуды он ходил в чепчике и грудка его сверх курточки обвязана была большим платком. Так как по старому обычаю молодой человек лет до 20 считался ребенком, то и старушка смотрела на внучка своего, как на дитя, хотя ему было уже около 18 лет. Он в самом деле был премилый ребенок, и, когда летом сидел в мезонине у открытого окна, в чепчике и бабушкином платке, чтоб не пахнул ветерок на грудку, проходящие и проезжающие современные юноши заглядывались на него, воображая, что это сидит в тереме красная девушка. Не хуже красной девушки он потуплял глаза свои от нескромных взоров.

Старинный дом по соседству был как родной брат дому старушки и также с мезонином, которого боковое окно обращалось к соседу; но стекла от времени сделались перламутровыми.

Соседский дом принадлежал старичку, больному, дряхлому, мнительному и капризному и от лет и от бед, которые он перенес в жизни. У него оставалось одно утешение — внучка Сашенька, ребенок-душка, каких мало. При Сашеньке была старая няня, а при самом старичке старый Борис, дряхлее своего господина, который по ночам, во время бессонницы, заговаривался уже с домовым.

В продолжение дня старик сидел в глубоких креслах, обложенный подушками, тяжело дышал от удушья и, поглядывая на внучку, которая играла подле него куколками из тряпочек, все бормотал что-то про себя. Иногда и разговорится: няня свернет Сашеньке новую куколку, внучка подбежит к дедушке и похвастается своей куколкой: "Дедушка, куколка!"

— А! куколка? — скажет старик. — Хорошо... вот постой... я куплю тебе настоящую куклу...

— Да только все обещает дедушка, — отвечает вместо Сашеньки няня.

— А вот... будет хорошая погода... так мы и поедем в город... — скажет старик, поглядывая в окно сквозь тусклые стекла летних и зимних рам. — Ви-

дишь, какая пасмурная погода...

— Бог с вами, какая пасмурная, — скажет няня, — если уж эта пасмурная, так светлой-то нам и не дожждаться.

— Сырость в воздухе, — проговорит старик, — это я чувствую по себе... так и душит...

Во время ночей старик мается на постели и также все бормочет:

— Совсем сна нет... вить уж скоро, чай, заутреня? Заутрени скоро!..

0-хо-хо!

— Ого, — ответит- домовой, повернувшись за печкой с боку на бок.

— Смотри пожалуй... где это стучат? Чу, стучит... а?

— Ага! — отзовется домовой.

Старик начнет прислушиваться, потом кликнет сонного Бориса и спросит:

— Где это стучит?

— Нигде не стучит.

— Что-о?

— Нигде не стучит, — крикнет Борис на ухо.

— Что ж эхо... в голове, стало быть, стучит?..

И старик снова начинает прислушиваться, где стучит: в голове или вне головы. А Борис, уходя, бормочет себе под нос:

стучит! Черт, домовой стучит, прости господи! Ляжет, а домовой и начнет его душить за ложь и брань.

II

Так проходили годы. Сашенька подрастала, старик дряхлел и час от часу становился мнительнее и боязливее за внучку. Соблазн ему представился во всем ужасе. Припоминая свою храбрую молодость, он знал, что девушка в 15 лет как кудель: стоит только бросить огненный взор — и загорелась. Не доверяя и глазу старой няни, он без себя не стал отпускать Сашеньку даже в церковь. Напрасно няня представляла ему, что это великий грех, — Когда ж вы соберетесь-то сами? — говорила она ему.

— А вот... погода будет получше... поедет в соборы... в соборы поедем... покуда дома помолится... все равно;..

— Нет, не все равно! грех!

— Ну, ну, ну, ты дура... По-вашему, не грех женихов выглядывать!..

— Что ж такое? А по-вашему как? По-нашему, дай бы бог, чтобы нашелся женишок Александре Васильевне, — отвечала няня с сердцем.

Старик пришел в ужас.

— Молчи!.. дура!.. Я прогоню тебя! — вскричал он. — Видишь, что говорит!.. научит еще ребенка под окном сидеть, напоказ!.. окон на улицу у меня ни под каким видом не отворять!.. слышишь?

а не то заколочу! Я тебя заколочу и окна заколочу!

— Слава тебе господи, дослужилась до доброго слова! — проговорила няня, залившись слезами.

Тревожное опасение за внучку день ото дня увеличивалось.

Только и думы у старика: как бы скрыть свое сокровище от обаяния какого-нибудь чародея.

"Где- ж усмотришь за девочкой, — думал он, — выглянет на улицу — и беда! Вон, эво, так и шныряют проклятые ястребы — нет ли в окне добычи".

Подозрительный глаз старика так и преследовал всех молодых людей, проходящих по улице. Как на зло ему, большая часть останавливалась, чтоб посмотреть на два старинных домика. В самом деле, после 12-го года они одни красовались посреди пожарища и казались такими завидными для всех погоревших, что, проходя мимо, каждый останавливался и восклицал: "Смотри пожалуй, кругом все обгорело, а эти чертовы избушки стоят себе как будто бы ни в чем не бывало!.. Ей-богу, на удивление!"

Но вскоре все соседство как будто разбогатело после пожара — вместо деревянных домов выстроило себе каменные палаты, и снова все прохожие, вместо умиленного взгляда на почтенную древность, восклицали: "Смотри пожалуй, две чертовы избушки втесались между каменных палат! Ей-богу, на удивление!"

Эти остановки проходящих и любопытство взглянуть на обросшие зеленым мхом домики мнительный старик понимал посвоему.

— Ох, эти мне, — бормотал он про себя, — глазом не видят, так чутьем слышат.

Долго придумывая, как бы охранить внучку от соблазна, старик наконец ухитрился.

— Постой, погоди, молодцы, — сказал он, — я вас проведу мимо двора шей хлебать!..

И тотчас же, несмотря ни на горе покорной внучки, ни на слезы и ропот ее няни, приказал обстричь под гребешок прекрасные волосы Сашеньки. Потом велел Борису вынуть из сундука все старое платье и принести к себе.

Притащив груды рухляди, Борис, кряхтя, сложил ее перед стариком и, казалося, начал приподнимать по очереди слежавшиеся дружно тени нескольких поколений огромного некогда семейства. Память о далеком прошедшем ожила перед двумя стариками, но барин думал о своем.

— Тут должна быть курточка Кононушки! — сказал он.

— Где ж тут курточка? — отвечал Борис, перебирая и рассматривая мужские и женские платья прошедшего столетия. — Это не курточка!

— Покажи-ко: какая ж это курточка, это камзол дедушкин...

— Эка, — проговорил Борис со вздохом, — носить бы да еще носить!.. бархат-то! а?.. Это робронт!.. Кажись, покойницы матушки... Дай бог ей царство небесное.

— Покажи-ко. Какая ж это курточка?..

— Какая ж курточка, кто говорит... кафтан-то ваш... а? шитьето какое!.. Кажись, Пелагея-то Васильевна своими руками вышивала., материал-то! Не то, что теперь!..

— Не матерчатая, а суконная, я тебе говорю!..

— Суконная? Так бы вы и сказали... Какая ж суконная?..

Вот суконный-то ваш мундир весь моль съела...

— Как моль съела? Покажи-ко.

— Словно решето.

— И Кононуяшину курточку-то моль съела?..

— А бог ее знает: вот ведь тут ее, нету... Разве в другом сундуке.

После долгих поисков курточка была найдена. Старик обрадовался, призвал Сашеньку и велел ей надеть, а на шейку повязать платочек.

— Для чего же это, дедушка? — спросила она.

— Для чего! Ты у меня будешь амазонка... Посмотришь-ко в зеркало... хорошо? Ты у меня будешь амазонка...

— Да что ж это, для чего ж это, сударь, нарядили так барышню-то?

— А для того, что я так хочу. Ты, дура, не знаешь ничего, так и молчи. Немножко широка... сошьем новенькую, поуже, к празднику... так и ходи. Ты у меня будешь амазонка, в амазонском платье.

— Вы говорили, дедушка, что в амазонском платье верхом ездят... Помните, проехали верхом какие-то дамы?.. Вы будете меня учить верхом ездить?

— Верхом!.. чВидишь ты какая!., погоди... вот подрастешь, лет через десяток... а теперь и так хорошо... и под окошко сядешь...

не простудишься... а то грудь и шея открытые... не годится...

Распорядившись таким образом, старик успокоился, рад выдумке. Сядет подле окна, посадит подле себя внучку и насмехается в душе над проходящею молодежью.

— Да, смотрите, смотрите!.. Каков у меня внучек? Хорош мальчик? а?.. Что ж не смотрите? Это, верно, не девочка? Такой же небось юбоншик, как вы?.. Да! как же, так и есть!.. Нет! млости просим мимо двора шей хлебать!..

Ш

Заколдованная дедушкой от всех глаз, Которые ищут предметов любви, долго Сашенька была еще беспечным ребенком, которого занимали сказки няни, птички, цветы и даже порхающая бабочка в садике. Но вдруг что-то стало грустно ей на сердце, чего-то ей как будто недостает, время от утра до вечера что-то тянется Слишком долго: сидеть с дедушкой скучно, рассказы няни надоели, все бы сидела одна у окошечка да смотрела на улицу — нет ли там чего-нибудь повеселее?

— Нянюшка, отчего это мне все скучно? — говорит она няне.

— Отчего же тебе скучно, барышня? — отвечает ей няня.

— Сама не знаю.

— Оттого, верно, тебе скучно, что подружки нет у тебя.

— Подружки? — проговорила Сашенька призадумавшись. — Где ж взять ее, няня?

— А где ж взять? Откуда накличешь?

"Накликать", — подумала Сашенька, когда няня вышла, и она стала накликавать заунывным голосом под напев сказки про Аленушку:

Подруженька, голубушка,

Душа моя, поди ко мне;

Тоска-печаль томят меня.

Вдруг показалось ей, что голос ее как будто отзывается гдето. Она прислушалась: точно, кто-то напевает в соседском доме.

Сашенька приотворила боковре окно, взглянула, вспыхнула, сердце так и заколотило.

— Ах, какая хорошенькая! — проговорила сама себе Сашенька. — Вот бы мне подружка!

И долго-долго смотрела она стыдливо сквозь приотворенное окно на Порфирия, который также разгорелся, устремив на нее взоры, и думал: "Ах, какой славный мальчик! вот бы нам вместе играть!"

"Я поклонюсь ей", — подумала Сашенька, но вошла няня, и, как будто боясь открыть ей свою находку подружки, захлопнула окно.

На дворе стало смеркаться, а няня сидит себе да вяжет чулок.

Так и вечер прошел. Легли спать; а Савденьке не спится, ждет не дождется утра.

Настало утро. Надо умыться, богу помолиться, ийти к дедушке поздороваться, пить с ним чай, слушать его рассказы, а на душе тоска смертная.

— Не хочется, дедушка, чаю.

— Куда же ты? Сиди.

Ах, горе какое! — Сашенька с места, а дедушка опять:

— Куда ж ты?

— Сейчас приду, дедушка.

Сашенька наверх, в свою комнату, а там няня вяжет чулок.

Так и прошло время до обеда; а тут обед. А дедушка кушает медленно, а после обеда, покуда заснет — сиди, не ходи.

Господи! Что это за мука!

Но вот дедушка уснул. Няня вышла посидеть со старым Борисом за ворота. Сашенька одна; приотворила тихонько окно, тихонько запела: "Подруженька, голубушка", но никто не отзовется, в соседском доме окно закрыто.

Ах, какое горе!

Прошел еще день. Сидит грустная Сашенька подле няни, призадумавшись. Вдруг послышался напев ее песни, сердце так и екнуло.

— Ну, уж хорошо как-то там курныкает, нечего сказать! — проговорила няня.

— Нянюшка, пить хочется.

— Ну что ж, испей, сударыня.

— Мне не хочется квасу, мне хочется воды.

— Э-эх, ведь вниз идти надо!

— Пожалуйста!

— Ну, ну, ладно.

Няня вышла — а Сашенька к окну. Приотворила — глядь, ей поклонились.

— Здравствуйте! — сказал Порфирий.

— Здравствуйте! — произнесла и Сашенька.

Они посмотрели друг на друга умильно и не знали, что еще сказать друг другу.

— Приходите к нам, — сказал наконец Порфирий.

— Нет, вы приходите к нам; меня не пускают из дому, — отвечала тихо Сашенька.

— Экие какие!

Этим разговор и кончился; послышались шаги няни, Сашенька захлопнула окно.

На следующий день Порфирий целое утро курныкал песенку под окном. Сашенька все слышала, с болью сжималось у ней сердце от нетерпения, покуда дрожащая рука ее не отворила снова окна с боязнью.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Послушайте... выходите в садик!

— В садик? Ну, хорошо.

— Поскорей.

— Ну, хорошо.

Порфирий притворил окно. Сашенька также и побежала в садик.

— Здравствуйте, сударыня-барышня, — сказал ей Борис, беседовавший с няней на крыльце.

— Здравствуй, Борис, — отвечала ему Сашенька.

— Куда вы, барышня? — спросила ее няня.

— В садик.

— Посмотрите-ка, сударыня-барышня, какую я вам дерновую скамеечку сделал под липой-то, извольте-ка посмотреть.

И Борис потащился следом за Сашенькой.

Ах, какая досада!

— Вот, видите ли, барышня... Извольте-ка присесть.

— Спасибо тебе.

— Кому ж и угождать мне, как не вам, барышня: вы у нас такое нещечко... Дай вам господи доброго здравия да женишка хорошенького.

— Ах, полно, Борис, — проговорила Сашенька, покраснев, — ступай себе.

— Ничего, сударыня-барышня, что тут стыдно...

В соседском садике послышалось курныканье Порфирия.

"Ах, какой этот несносный Борис", — подумала Сашенька.

— Ничего, сударыня-барышня... да и красавицы-то такой не съедем... и дедушка-то не нарадуется на вас... Скупенек немножко, бог с ним. Вас бы не так надо было водить... в золоте бы водить, барышня, да не все дома держать... чтоб женишки...

— Ступай, Борис, оставь меня.

— Экие вы какие! Я ведь к слову сказал... Вот, сударыня-барышня, попросите-ка у дедушки на сапоги мне... Извольте посмотреть, совсем развалились.

— Хорошо, хорошо, я попрошу.

— Извольте посмотреть: пальцы вылезли.

— Хорошо, хорошо, ступай.

— Да, вот оно: у солдата купил, три рубля заплатил... солдатские-то, говорят, крепче...

Сашенька от нетерпения и досады вскочила с дерновой скамьи и пошла прочь от Бориса.

— Что ж вы, барышня, не изволите сидеть? Дерь-то какой славный.

И Борис начал поглаживать скамью и обирать с дерна желтую и завядшую травку.

Между тем Сашенька прошла подле забора.

— Здравствуйте, — раздалось в скважинку за кустами малины.

— Здравствуйте, — тихо проговорила и Сашенька, остановясь и оглядываясь, не смотрит ли на нее Борис.

— Как я вас люблю, — сказал Порфирий.

— Ах, как и я вас люблю... Если бы мы были всегда вместе!

— Барышня, а барышня, где вы, сударыня? Чай кушать зовут, — крикнул Борис.

— О боже мой, какая скука, — проговорила Сашенька.

— Приходите после, — шепнул Порфирий.

— После? Хорошо.

И Сашенька побежала домой.

После чаю она двинулась было с места, но дедушка усадил ее подле себя перебирать старые письма.

— О господи, когда ж после? — проговорила Сашенька про себя, почти сквозь слезы.

Старик ужинал рано; хотелось ему спать или не хотелось, но он ложился в постель в определенное время. А тут, как нарочно, сидит себе да раздобарывает¹ с внучкой и с ее няней, потешается, что у них глаза липнут. Рассказывает себе про житье-бытье своего дедушки, какой у него был полный дом, какой сад, какое имение, какое богатство, великолепие и этикет. Призванный Борис, как живая выноска примечаний к рассказу, стоял у дверей, заложив руки назад, и по вызову барина подтверждал его рассказ.

— Помнишь, Борис? а?

— Как же, сударь, не помнить...

— А гулянье-то было по озеру, с роговой музыкой, в именины покойной ба-

бушки Лизаветы Кирилловны... Вот, надо рассказать...

— Никак нет-с, батюшка: это было не в именины, а как раз в день рождения ее превосходительства... Как раз, сударь, в день рожденья.

— Как в день рожденья?... Пстой-ка, врешь!

— Да как же, батюшка, именины-то ее превосходительства, покойной Лизаветы Кирилловны, дай бог ей царство небесное, когда были? В октябре, сударь?

— Да, да, да!.. Экая память!..

— Дедушка, мне спать хочется, — проговорила Сашенька, зевая и привстав с места.

— Спать? А отчего ж мне не хочется? а?

— Не знаю, дедушка.

— То-то, не знаю, а я знаю. Это потому, что дедушка любит внучку и ему приятно провести с ней время.

— Да что ж, сударь, пора ночь делить, — проговорила и старая няня, зевая.

— Ты дура, ты все потакаешь ребенку! Пошли! спите!

Дедушка рассердился. Сашенька и няня, потупив глаза, молчали и ни с места. И дедушка молчит, сурово нахмурился. И это гневное молчание тянулось обыкновенно до тех пор, покуда не вытянет душу.

Сашенька прослезилась, но утерла слезку: дедушка не любит слез.

— Ну, ступайте спать, — сказал наконец дедушка смягченным голосом, довольный, что дал урок в терпении.

Сашенька простилась с ним, побежала наверх, бросилась в постель и залилась слезами. В первый раз почувствовала она тяготу на сердце, в первый раз воля дедушки показалась ей невыносимой. Ей так и хотелось броситься в окно, чтоб хоть умереть на свободе.

Няня, уговаривая Сашеньку, что грех так огорчаться, раздела ее и легла спать. Но у бедной девушки не сон в голове: душа взволнована, сердце бьется, в комнате душно; так бы идохнула свежим воздухом.

— Когда же после? — повторяла Сашенька. — Когда мне было после прийти?.. Ах, как голова болит!.. Пойду в сад...

И она обулась, надела капотик, прислушалась, спит ли няня, осторожно отворила дверь и вышла. Сени запирались задвижкой.

Из сеней два шага до садика. Ночь светлая, прекрасная. Только что она подошла к липе, под которой старый Борис устроил ей дерновую скамью, вдруг что-то зашевелилось.

Сашенька затрепетала от страха.

— Это вы? — тихо проговорил Порфирий, бросаясь к ней из-за куста и схватив ее за руку.

Сашенька долго не могла перевести духу.

— Чего ж вы испугались?

— Так, что-то страшно, — проговорила Сашенька.

— Страшно? Отчего?

— Так.

— А я ждал-ждал, ждал-ждал.

Держа друг друга за руку, они присели на дерновую скамью и долго молча всматривались друг в друга с каким-то радостным чувством.

— Ах, как хорошо мне с вами! — сказал Порфирий.